

*ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ*

© 2005 г. Г.Ф. БЛАГОВА

**НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ИЛЬМИНСКИЙ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ  
ТУРКМЕНСКИХ ДИАЛЕКТОВ\***

С 1925 года, когда А.Н. Самойлович на страницах ныне раритетного издания отметил мощное начало тюркологической деятельности Н.И. Ильминского, научное творчество этого ученого редко привлекало внимание позднейших исследователей.

Роль Ильминского в изучении туркменского языка отечественными тюркологами освещена в контексте его лингвистических воззрений, практики перевода и преподавательской методики.

Впервые в русском переводе печатается краткий лингвистический очерк Ильминского "О языке туркменов".

В славной плеяде отечественных тюркологов, внесших свой вклад в научное изучение туркменского языка и его диалектов, – И.Н. Березин, Н.И. Ильминский, А.Н. Самойлович, А.П. Поцелуевский<sup>1</sup> – Николай Иванович хронологически занимает второе место. Впервые в российской тюркологии сведения о туркменском языке иранского Прикаспия добыл иранист и тюрколог И.Н. Березин во время своей поездки по Ближнему Востоку в 1842–1845 гг. [Березин 1845; 1847; Berèzine 1848]. Оба они были учениками А.К. Казем-бека.

По словам А.Н. Самойловича, Березин обнаружил "полное отсутствие специальной лингвистической подготовки, которой он в школе получить не мог и которой он не приобрел и впоследствии – путем изучения существовавшей в его время литературы, как это сделал другой блестящий ученик Казем-бека, бывший тремя годами моложе Березина, Ильминский" [Самойлович 1925: 165].

На необходимости теоретической подготовки для востоковедов настаивал И.Ю. Крачковский, когда в письме к своему коллеге А.Н. Самойловичу от 23.07.1905 г. писал о той "широте взгляда, которой подчас у многих из нас и наших му'аллимов не

\* При написании статьи были использованы материалы о Н.И. Ильминском, собранные Ф.Д. Ашниним: в свое время он имел намерение составить цикл очерков об отечественных тюркологах, а также о А.А. Бобровникове. Это ксерокопии ряда статей и книг Ильминского, машинописные и переписанные от руки его же письма. Сюда включена также копия письма внучатой племянницы Николая Ивановича – М.Я. Ильминской от 12.03.1982 г. к И.Г. Добродомову по поводу его выступления в радиопередаче "В мире слов" (7.06.1981 г.), всего 10 с. материалов + Приложение № 1 "Оппозиция в Совете братства Гурия и в Училищном совете Синода", ее письма к Ф.Д. Ашнину и выполненные для него ксерокопии работ Н.И., библиографическая подборка.

Материалы переданы нам сыном Федора Дмитриевича – Ф.Ф. Ашниним – для целевого использования, за что приносим ему искреннюю благодарность.

<sup>1</sup> Кратко об истории изучения туркменского языка в России см. [Благова, Грунина и др. 2004: 122–123].

видно из-за многочисленных масдаров” (РНБ. Ф. 671. Д. 209); в частности, и школа Казем-бека отгородилась “стеной масдаров” от достижений западноевропейского языкознания<sup>2</sup>.

Н.И. Ильминский (1822–1891 гг.) окончил в 1846 г. Казанскую духовную академию, где благодаря энергичному влиянию проф. Д.Ф. Гусева студенты усердно занимались также математикой, физикой, новыми (западноевропейскими) языками. Казанская академия имела особое назначение – приготовить миссионеров-знатоков восточных языков, в том числе вменено было академическому начальству приготовить своих профессоров арабского и татарского, монгольского и калмыцкого языков [Загоскин 1865: 3]. Выбор пал на Н.И. Ильминского и А.А. Бобровникова (как единственного студента, знавшего монгольский язык еще в семинарии) [Там же], в будущем – автора “Грамматики монгольско-калмыцкого языка” (1849 г.)<sup>3</sup>, которую О.Н. Бётлингк признавал “замечательным явлением в современной филологии” [Русский биографический словарь 1908: 118–119].

Ильминский был оставлен при духовной академии в должности учителя естественных наук и “турецко-татарских языков”; в 1847 г. ему присвоена степень магистра и бакалавра той же академии. В это же время в Казанском университете преподавал И.Н. Березин, с 1846 г. – экстраординарный профессор по кафедре турецко-татарских языков того же университета. Скорее всего, в этот казанский период (Березин с 1855 г. уже ординарный профессор факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета) Н.И. Ильминский с безоглядной щедростью дарил свое время, свой труд старшему коллеге-профессору. Можно предположить, что именно это имело в виду, когда Самойлович писал: “Только из писем Ильминского Березину мы узнаем о том крупном участии, которое Ильминский принимал некоторое, по крайней мере, время в судьбе трудов Березина”<sup>4</sup> [Самойлович 1925: 167].

В 1851–1854 гг. Ильминский командирован в Константинополь, Дамаск, Каир и др. По возвращению из этого путешествия по Ближнему Востоку с осени 1854 г. преподавал в Казанской духовной академии на противомусульманском отделении восточные языки и некоторые другие предметы [Кононов 1989: 103].

<sup>2</sup> Араб. *му‘аллим* “учитель”, *масдар* “отглагольное имя”.

В приводимых цитатах оставлена без изменения старая терминология и словоупотребление: иноверцы, инородцы; турецкий язык (языки), турецко-татарские языки *вм.* тюркские языки; тюрколог, тюркология *вм.* тюрколог, тюркология; киргиз-казакский, киргизский язык *вм.* казахский язык, киргизы *вм.* казахи; наречие *вм.* язык (иногда – диалект).

<sup>3</sup> Сведения М. Загоскина позволяют внести уточнения в словарную статью об Н.И. Ильминском в той ее части, которая касается его службы в Оренбургской Пограничной комиссии: “Здесь он нашел себе друзей в лице И.А. Алтынсарина (...), А.А. Бобровникова, В.В. Катаринского (...) и др.” [Кононов 1989: 103]. На самом деле друзьями и единомышленниками Ильминский и Бобровников были со студенческих лет в духовной академии: оба окончили Казанскую духовную академию в 1846 г.; о своем безвременно умершем в 1865 г. однокурснике Ильминский писал: “Труды Бобровникова свидетельствуют о необыкновенных его дарованиях, и потеря его весьма чувствительна для ориентальной науки в нашем отечестве” [Ильминский 1865: 40 (примеч.)]. В.В. Катаринскому (1846–1902 гг.) во время пребывания Ильминского в Оренбурге (декабрь 1858 – декабрь 1861 г.) было всего 12–15 лет; добрые отношения между ними завязались много позднее. В “Биобиблиографическом словаре отечественных тюркологов” отсутствуют сведения об изучении туркменских наречий как Березиным, так и Ильминским [Кононов 1989: 44, 103], хотя в более раннем издании такие сведения имеются [Кононов 1982: 240].

<sup>4</sup> «В предисловии ко II тому своей “Библиотеки” (см. [Березин 1849–1851]) Березин сообщает, что Ильминский приготовил русский перевод татарского текста, а из писем Ильминского к Березину мы узнаем, что он сличал начало сочинения, являющееся переводом из истории Рашид эд-Дина, с персидским подлинником, читал корректуры и указывал издателю его промахи» [Самойлович 1925: 168].

В эти годы Н.И. Ильминский впервые в истории тюркологии готовит к изданию (по списку Г.-Я. Кера) чагатайский текст “Бабур-наме” [Ильминский 1857]; о работе Ильминского над памятником см. [Благова 1961; 1993: 16–19, 27–37, 48 и сл.; 2005]. Вскоре Ильминский издает другой важный средневековый памятник – “Кысас ал-анбийа” (Казань, 1859 г.). Для издателя этих памятников необходимо было знание и чагатайского, и более раннего литературного языка; позднее Ильминский отзовется об этом как о “моей прежней ревности к книжному <...> языку” [Ильминский 1892: 5].

Работа Н.И. Ильминского по подготовке к изданию текста “Бабур-наме” была настолько исследовательски глубокой, что, используя проникновенные слова Н.Д. Дмитриева, можно сказать: “мировое творение Бабура оставило неизгладимую память в сознании” Ильминского, он “сроднился с этим автором, его творением, с филологической ценностью и литературной судьбой последнего” [Дмитриев 1954]. Издательский приоритет отечественного ученого веско подчеркнул в 1917 г. исследователь творчества Бабура А.Н. Самойлович: «Шестьдесят без малого лет тому назад (1857 г.) в Казани, в издании Н.И. Ильминского, по списку петроградского академика Кера, появился впервые подлинник главнейшего труда Бабура: “Бабур-наме”» (Самойлович: РНБ. Ф. 671. Д. 82. Л. 7).

В стенах духовной академии в 1855–1856 гг. у Н.И. Ильминского сложилось твердое убеждение, что “лучшим средством для борьбы с иноверческой пропагандой может быть только шкoльнoе просвещение и нoрoдцeв”, “которое развило бы в них охоту к самостоятельному, беспристрастному размышлению, обогатило бы их здравыми понятиями о природе и истории и внушило бы им уважение к свидетельствам достоверным” [Зеленин 1902: 183, 105]. Поэтому Ильминский не считал нужным преподавать студентам специальную “полемику против мухаммеданства”. Отступление от учебной программы и “крамольные идеи” вызвали недовольство академического начальства, что вынудило Ильминского в конечном счете уйти из духовной академии (1.IX.1858 г.) [Знаменский 1892a: 104–105].

Знаток не только литературных тюркских языков средневековья, но и живого разговорного татарского языка, а также турецкого, арабского, персидского языков, Ильминский, выйдя из духовного звания (вместе со своим единомышленником А.А. Бобровниковым), перешел на гражданскую службу: с 31.XII.1858 г. он – переводчик Оренбургской Пограничной комиссии<sup>5</sup> [Кононов 1989: 103]. Сам он писал об этом так: “В октябре 1858 г. я приехал в Оренбург с намерением поступить на службу в Пограничную комиссию. Председателем Комиссии в то время был ученый ориенталист профессор Василий Васильевич Григорьев, а в числе советников комиссии был мой товарищ Алексей Александрович Бобровников. Меня интересовал киргизский язык, которого в Казани я не имел случая узнать, потому что о нем не было ничего в литературе... В.В. Григорьев придумал для меня особый, живой способ изучения киргизского языка. Он прикомандировал ко мне троих киргизских юношей... из первого выпуска Оренбургской киргизской школы, которые по окончании курса в 1857 г. были по собственному прошению оставлены при Пограничной комиссии для практического изучения де-

<sup>5</sup> Оренбургская Пограничная комиссия была основана в 1799 г. – как “своего рода филиал Азиатского департамента Министерства иностранных дел России”. “Ввиду важности внешне-политической роли, которую играла Оренбургская Пограничная комиссия, ее штат пополнялся первоклассными специалистами-востоковедами, которые умело сочетали исполнение служебных обязанностей с научными исследованиями. Об этом свидетельствуют биографии известных русских востоковедов П.И. Демезона (1807–1873 гг.), В.В. Григорьева (1816–1881 гг.), В.В. Вельяминова-Зернова (1830–1904 гг.), Н.И. Ильминского (1822–1891 гг.) и других, которые в разное время служили в Оренбурге” [Матвиевская, Зубова 2002: 162]. Приносим искреннюю благодарность Г.В. Строковой, указавшей нам на эти сведения в книге двух авторов. Приводимые в цитате даты жизни востоковедов мною выверены и исправлены по “Биобиблиографическому словарю отечественных тюркологов” [Кононов 1989: 85, 78], как и имя Н.И. Ильминского (1822–1891 гг.; сведения о годах жизни ученого у авторов отсутствуют). Григорьев г.р. 1816 г. (не 1818 г.).

лопроизводства... В.В. Григорьев написал по-русски бумагу, которую мне поручил переложить при помощи этих киргизов на чисто-киргизский язык. ...Киргизские толмачи и стали посещать меня каждый день для перевода" [Ильминский 1891: 13, 14]. "С самого приезда в Оренбург, когда я стал заниматься с киргизскими юношами, я часто выспрашивал киргизские названия предметов по сортам, а частью случайно, при переводах и разговорах, попадались мне неизвестные из татарского языка слова киргизские. Я их записывал в особую тетрадь и за две зимы 1858–59 и 1859–60 годов у меня накопилось несколько сот таких слов, которые, однако же, не имели точного определения. Во время степной командировки летом 1860 г., находясь постоянно среди киргиз в их кочевьях и обстановке, я имел возможность не только приумножить свое собрание киргизских слов, но и точно определить их значение. Таким образом составилась небольшой словарь киргизско-русский, к которому я придал, в виде предисловия, краткий очерк не всей киргизской грамматики, но лишь ее особенностей от татарского языка"; «...едва успел мне Кулубеков записать под диктовку Марабая сказку Ир-Таргын, также татарскими буквами. В Казани я напечатал Самоучитель<sup>6</sup> и Ир-Таргына отдельными брошюрками, а словарь киргизско-русский, под заглавием "Материалы к изучению киргизского наречия" – в Ученых записках Казанского университета, из которых я получил сотни две отдельных оттисков. Эти книжицы и служили потом учебным пособием в киргизских школах» [Там же: 32–33].

Так, благодаря творческой атмосфере в Оренбургской Пограничной комиссии, созданной ее сотрудниками, тремя востоковедами – В.В. Григорьевым, А.А. Бобровниковым и Н.И. Ильминским – при активном участии их учеников из молодых казахов, окончивших Оренбургскую киргизскую школу, "сочувствующих и расположенных к русскому образованию", в первую очередь – И.А. Алтынсарина, Ильминскому удалось не только глубоко изучить живой разговорный казахский язык, но и составить (по дальновидной инициативе В.В. Григорьева) первые элементарные учебные пособия на казахском языке, Самоучитель русской грамоты для казахов.

"Материалы к изучению киргизского наречия" Ильминского ценил П.М. Мелиоранский, составитель первой грамматики казахского языка<sup>7</sup> [Мелиоранский 1894; 1897], который, по выражению В.В. Бартольда, считал исследования живых наречий "наиболее плодотворными и необходимыми" [Самойлович 1907а: 010]. А.Н. Самойлович называл Ильминского "первым по времени исследователем казак-киргизского языка" [Самойлович 1915: 161]. Ильминского можно было бы назвать и первым по времени этнографом казахского народа [Ильминский 1860].

При изучении именно "казак-киргизского" языка у Н.И. Ильминского сформировалось воззрение на живой народный язык "как на подлинный документ для лингвистических исследований" (из его письма кн. Ухтомскому, 1870 г. цит. по: [Знаменский 1892б: 431]).

---

<sup>6</sup> «В.В. Григорьев озаботился еще в 1861 г. составлением для степных киргизских школ учебника русского языка. Когда осенью 1860 г. я вернулся из степной командировки, В.В. Григорьев поручил мне составить учебник русского языка для киргизских школ, по-русски и по-киргизски. Пособий у меня под руками почти никаких не было: тогда и русская школьная литература была небогата. Я составил книжку под заглавием: "Самоучитель русской грамоты для киргизов". В двух отделах: в первом, после русской азбуки и немногих примеров для чтения, изложены грамматические формы и правила в виде разговоров и кратких предложений; во втором отделе было помещено несколько статей разного, большей частью реального содержания. Этот самодельный мой русский текст усердно перелагал на киргизский язык Бахтияров... Бахтияров перелагал постоянно под моим наблюдением...» [Ильминский 1891: 30–31].

В 1886 г. было отмечено 125-летие со дня выхода в свет этого Самоучителя как первого учебника русского языка для казахов [Ведерников 1986]; см. также [Ведерников 1982].

<sup>7</sup> "При переходе с III курса на IV, в 1890 г. П.И. Мелиоранский был командирован факультетом <восточных языков СПб. Университета> в Оренбургскую губернию и Тургайскую область для изучения на месте казак-киргизского наречия и собирания материалов по фольклору. Этому же наречию <...> посвящена была и зачетная студенческая работа П.М. Мелиоранского" [Самойлович 1907а: 03].

В 1859 г. Н.И. Ильминский принял участие в экспедиции для съемки восточного берега Каспийского моря (т. е. на территории Туркмении), начиная почти от Мангышлака до персидской границы; эта экспедиция продолжалась с 1 мая по октябрь. “Я был назначен в нее в качестве толмача при сношениях с туркменами. Памятником моего участия в этой экспедиции осталось некоторое, очень малое, количество материала туркменского языка” [Ильминский 1891: 19]. При всей скромности этой констатации следует учитывать, что, как подметил П.М. Мелиоранский, исследователь отличался особенным даром проникновения в строй тюркских языков, а научная добросовестность Ильминского, увлечение от души изучением языка непосредственно от его носителей не позволяли ему постулировать то или иное наблюдение как языковой факт без непрерывных перепроверок его на носителях языка [Ашнин 1978: 39, 46], и в этом он был очень строг не только к себе, но и к другим исследователям<sup>8</sup>.

Письма Ильминского этого периода из Туркмении изобилуют впечатлениями о стране, туркменах, общении с ними. Приведем выдержки из писем к жене, Екатерине Степановне. “Так как я имею симпатии со всеми азиатцами – татарами, киргизами и след<ова-тельно> с туркменами, то туркмены отплачивают мне тем же сочувствием” (12.06.[1859] – Отдел рукописей РГБ. Ф. 424. Картон 2. Д. 18). “Я по-видимому им понравился, тряхнул стариной, двумя-тремя арабскими пословицами и текстами из Корана и вообще несу такую благочестную ахинею, что заинтересовал <нрзб.> знакомые только похваляют. ...С здешними туркменами у меня страшная дружба, водой не разольешь... Ты помнишь, как я увлекался татарами, киргизами, так же я увлекаюсь и туркменами” (письмо от 14.05.1859 [Там же]).

“Н.И. Ильминский в письме к А.А. Шифнеру <от 29.12.1859 г.> поделился своими наблюдениями над туркменскими наречиями йомудов и эсен-или (човдуров)” [Кононов 1982: 241]. А.А. Шифнер (1817–1879 гг.) – экстраординарный действительный член Имп. Академии наук в Петербурге, исследователь многочисленных тюркских, монгольских, финских, палеоазиатских, кавказских, иранских, тибетских, санскрита и других языков, директор Этнографического музея в Петербурге – издал прежде не публиковавшиеся труды М.А. Кастрена (грамматики койбальского и карагасского наречий) [Кононов 1989: 258]. В своей работе Шифнер пользовался высококвалифицированными консультациями Ильминского: во всяком случае, известно еще одно более раннее письмо последнего к тому же адресату (25.07.1858 г.), посвященное татарской фонетике [Ilminsky 1859].

Письмо о языке туркмен было напечатано незамедлительно [Ilminsky 1860]. Ведь даже через 40 с лишним лет после его публикации А.Н. Самойлович писал: “Наречия туркменских племен до сих пор принадлежат еще к числу тех, которых не коснулось или мало коснулось научное исследование европейцев. Первый достойный внимания опыт в этом направлении был сделан русским ориенталистом Березиным над наречием персидских (астрабадских) туркменов. Другой русский востоковед, Ильминский произвел несколько ценных наблюдений над говорами йомудов и эсен-или. Ряд маленьких и ненадежных заметок, скорее о письменном языке туркменов дал Вамбери”<sup>9</sup> [Самойлович 19076: 0184]. Перечень последующих работ по туркменскому языку настолько не-

<sup>8</sup> Из письма Ильминского к акад. Б.А. Дорну от 4.01.1864 г.: “как необходимо тексты поверять самому на месте, этому лучшим доказательством служит то, что в хрестоматии Ильи Николаевича Березина так названная *Трухменская* сказка нимало не походит на трухменское <наречие>, а представляет весь характер киргизский, только немного подмалеванный татарскою рукою. После этого извольте верить этим текстам, без надлежащей критической осторожности” (цит. по: [Самойлович 1925: 170]).

<sup>9</sup> Говоря в этой рецензии о сборнике пословиц и поговорок, приложенном к учебнику С. Агабекова, А.Н. Самойлович обратил особое внимание на «отступления от живой народной речи в угоду письменности или более или менее ненародному произношению тех “наиболее грамотных из среды туркмен” и других “хорошо знакомых с туркменским наречием” лиц, содействием которых автор пользовался» [Самойлович 19076: 0187].

значителен, что Самойлович не забывает даже и о “нескольких оригинальных строках, посвященных туркменскому наречию”, в военном сочинении Гродекова “Война в Туркмени” (СПб., 1883. Ч. I: 85) [Самойлович 1907б: 0185].

В своей магистерской диссертации А.Н. Самойлович отмечает особо точность и достоверность ценных диалектологических сведений Ильминского: “Мои наблюдения над морфологией туркменских наречий совпадают с наблюдениями Ильминского, Ueber die Sprache der Turkmenen, Mél. As. IV, 63–74” [Самойлович 1914: 024 (примеч.)]. Заметим, что в автографе списка “Литература по туркменскому языку”, подготовленном в начале 50-х годов Н.К. Дмитриевым для ознакомления студентов Тюркской (туркменской) группы Восточного отделения филологического факультета МГУ (автограф хранится в личном архиве Л.С. Левитской), числится и эта работа Ильминского [Ueber die Sprache der Turkmenen] (сообщено Л.С. Левитской).

Дальнейшая жизнь Ильминского складывалась, как он пишет, следующим образом: “Поездка моя в Казань была в феврале 1861 г. Между тем в Казанском университете открылись две восточных кафедры – арабского и турецко-татарского языка. Я был выбаллотирован на вторую. Пока производилась переписка о перемещении меня из Оренбурга в Казань, я вернулся в Оренбург и оттуда окончательно переехал в Казань в декабре 1861 года” [Ильминский 1891: 33].

К университетскому преподаванию “турецко-татарского языка” (т. е. тюркских языков) Ильминский, по всей вероятности, подготовлял себя исподволь. Во всяком случае, в том же году в “Ученых записках” Казанского университета вышло его обширное “Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка”, где авторство скромно указывается в скобках – “(Преподаватель Н. Ильминский)” [Ильминский 1861: 3]. С 1863 г. – экстраординарный профессор. С 1867 г. – редактор журнала “Известия и Ученые записки имп. Казанского университета” [Периодическая печать 1959: 464].

Можно считать, что это был первый проспект курса<sup>10</sup>, который впоследствии прочно утвердился в университетских программах усилиями П.М. Мелиоранского, А.Н. Самойловича, Н.К. Дмитриева, С.Е. Малова и исторически носил разные названия. В начале XX в. П.М. Мелиоранский этот курс называл “Введение в изучение турецких наречий”, затем А.Н. Самойловичем именовался “Введение в изучение турецких племен и наречий”, в 20-е годы Самойловичем – “Введение в изучение турецких народов и языков” и позднее – “Введение в тюркологию”, Н.К. Дмитриевым в конце 20-х – начале 30-х годов – “Введение в языки тюркской системы”, начиная с 40-х годов – “Введение в тюркологию” (все эти названия резюмированы в нашем вступительном комментарии к статье Н.К. Дмитриева “Введение в языки тюркской системы” [Дмитриев 2001: 125–126]).

Развивая во “Вступительном чтении” тезис: “Основание и материал к исследованию всякого живого наречия есть живая речь народа, которому оно принадлежит”, Ильминский обратился к слушателям с призывом активизировать фиксацию и посильное собиранье языкового материала непосредственно от носителей языка: “...во всяком случае вы можете оказать великую услугу науке даже простым, но добросовестно точным, собираньем и приведением в известность сырых материалов” [Ильминский 1861: 40, 42]. Как бы подтверждая эту свою мысль, Ильминский в качестве практического “Прибавления” приводит собранные им диалектные материалы – а) слова и фразы кашгарского диалекта, записанные им от ахуна, прибывшего в Оренбург через Коканд, б) башкирский рассказ, записан в Оренбурге в 1861 г. со слов башкирина из рода кыпсак, а также в) наречие алтайское (материалы которого доставлены автору Я.И. Фортунатовым) [Ильминский 1861: 43–59].

Н.И. Ильминского, как впоследствии и А.Н. Самойловича, интересовали вопросы классификации тюркских языков; по этим вопросам он полемизировал с И.Н. Березиным. Во “Вступительном чтении” он писал: “Задачей нашей науки должно поставить изучение <...> всех тюркских наречий. Мысль эта не мое изобретение. <...> Полнее

<sup>10</sup> Ф.Д. Ашнин называет “Вступительное чтение” первой актовой речью Н.И. Ильминского в Казанском университете [Ашнин 1978: 44].

других ученых ее представлял себе И.Н. Березин и думал выполнить ее в двух сочинениях: *Recherches sur les dialectes turcs* и *Хрестоматии*. В первом сочинении он изложил классификацию тюркских наречий. Его труд, замечательный по своей обширной идее, служит ясным доказательством, что основательную обработку тюркского языка должно начинать не с общих понятий, не с классификации, а с частных, с фактов. Нужно прежде всего привести в известность отдельные наречия и каждое вполне. Из специальных монографий, без всякого спора и натяжек, или предположений произвольных, откроется взаимное отношение наречий, обозначатся стороны, с которых должно классифицировать их <...>” [Ильминский 1861: 20–21].

Лингвистические и историко-филологические проблемы, привлекавшие Н.И. Ильминского, помимо издания памятников тюркского средневековья (“Бабур-наме” и “Кыса ал-анбийа” Рабгузи), отразились во “Вступительном чтении” в виде той своего рода периодизации известных ему средневековых сочинений, которая была осуществлена по принципу языковой принадлежности – в зависимости от того, на древнеуйгурском, команском (половецком) или чагатайском “наречиях” они написаны. Сюда же можно отнести первое в мировой тюркологии исследование языка “Бабур-наме” – “Материалы для джагатайского спряжения” [Ильминский 1863].

А.Н. Самойлович, которому были близки историко-филологические интересы Н.И. Ильминского, его попытки научного издания средневековых текстов, его воззрение на живой народный язык как объект исследования, привел цитату из заключительной части “Вступительного чтения” [Ильминский 1861: 42] на страницах своей магистерской диссертации [Самойлович 1914: III] в качестве первого из четырех эпитафий (высказываний его учителей – П.М. Мелиоранского, В.В. Радлова, В.Д. Смирнова), а именно: “...в сухих, неблагодарных лингвистических занятиях пусть одушевляет вас мысль, которая должна быть вам всегда присуща, что тюркская филология есть довольно обширное и маловозделанное поле, предоставленное по географическому положению России, в удел отечественной науке...”.

Осмысляя пути развития отечественной тюркологии во второй половине XIX в. в статье “И.Н. Березин как тюрколог” (написана в апреле 1919 г.), А.Н. Самойлович отмечает “несомненный трагизм” положения этого ученого: он “ступил на поприще тюркологии в неудачный момент, накануне смены средневековья нашей науки новой историей. В 40-х и 50-х годах Березин был одним из виднейших тюркологов Европы, с 60-х годов, когда в тюркологии на первый план на много лет выдвинулось изучение живых наречий в духе новых требований научного языкознания, Березин оказался в тени, будучи слишком связан с отжившей эпохой... Березину одному из первых открылись цели тюркологии, далекие от нас и поныне, но ему не удалось преодолеть подступов к путям достижения этих целей. Преодолея подступы Бётлингк. Ильминский мощно двинулся было по верному пути к открытым уже целям, но иное призвание отвлекло его решительно в сторону. Радлову суждено было возглавить новую эпоху нашей науки” [Самойлович 1925: 172].

Тем “иным призванием”, отвлекшим его решительно в сторону, было, по словам Самойловича, “дело столь высокой культурной важности, как организация просвещения” (РНБ. Ф. 671. Д. 161. Л. 1 об.), в данном случае – просвещения тюркских и некоторых финно-угорских народов разных регионов России, в особенности – Поволжья. “В истории русского просвещения Сибири, Средней Азии и Поволжья имена Н.И. Ильминского и А.А. и Н.А. Бобровниковых занимают виднейшее место, однако не находят еще достаточного и справедливого исследования. Они – деятели дореволюционного времени, и документы о них в значительной мере утрачены, подверглись уничтожению и обращены в пепел и прах. Свидетели их трудов завершили, как и они, земной путь. Но не может быть, чтобы жизнь и труды их были забыты”<sup>11</sup>.

<sup>11</sup> Анонимная машинопись “Материалы об А.А. и Н.А. Бобровниковых” явно не законченная, без даты. Опираясь на памятные записи Ф.Д. Ашнина, можно предположить, что “Материалы” принадлежат перу Н.А. Васильева, казанскому знакомому семейств Е.Н. Петровской, а также В.А. Ибрагимовой-Бобровниковой, внучек А.А. Бобровникова; их в свое время разыскал в Казани Ф.Д. Ашнин и от них получил “Материалы” (см. [Благова 2003: 165–166]).

В условиях полуторавековой давности просвещение многих народов Российской империи напрямую связывалось с идеологической задачей христианизации этих народов, следовательно – с переводом на их язык вероучительной литературы. Для реализации этой последней задачи Ильминским создавались письменности на основе русской азбуки; по его замыслу, все это должно было послужить и более точной фиксации живых языков и диалектов.

Ильминский, как никто другой в середине XIX в., четко сознавал: “Инородческие языки Казанского края так отличны по своему строю от русского, что для изучения инородческими детьми нужно составлять особые книги, где бы русский язык и его правила излагались последовательно в грамматическом порядке применительно к условиям инородческих языков <...>” (цит. по письму М.Я. Ильминской И.Г. Добродомову от 22.IV.1982 г.).

Перебравшись в Казань в декабре 1861 г., Ильминский совмещает чтение лекций на историко-филологическом факультете Казанского университета, а с 1863 г. – и преподавание восточных языков в Казанской духовной академии с работой над учебными пособиями для татар на татарском же языке. Почитая народный язык особенно важным и необходимым в учебном деле, Ильминский во время своей трехлетней оренбургской службы увидел несоответствие арабского алфавита казахской фонетике и вообще неспособность к выражению звуковых особенностей различных тюркских языков. “В букваре 1862 г., составленном под влиянием уже этого взгляда, я старался употребить народный татарский язык, каким говорят старокрещенные татары Мамадышского уезда Казанской губернии, среди и при помощи которых я переводил букварь”<sup>12</sup>. “Главная моя забота была о народности языка; алфавит же имел второстепенное значение. Я принял русский алфавит потому, что крещенные татары вообще не знакомы с арабской грамотою, а некоторые, обучавшиеся в русских школах, довольно хорошо умели читать по-русски” [Ильминский 1892: 5–6]. Что алфавит в просветительной деятельности Ильминского играл далеко не второстепенную роль, видно из публикаций некоторых материалов его переписки, в частности с В.В. Григорьевым, по вопросу о применении русского алфавита к национальным языкам [Григорьев 1862<sup>13</sup>; Ильминский 1883; 1892].

О творческом увлечении Н.И. Ильминского, исследователя-языковеда, переводческим делом, о тщательности в работе может свидетельствовать его письмо А.А. Бобровникову от 18.12.1862 г.: “Если б я положительно знал, что он <В.В. Григорьев> в Оренбурге, послал бы ему только что напечатанный букварь для крещенных татар русскими буквами. Язык, братец, самый что ни на есть чистейший народный, с живой натурой списанный. Я перевел в татарской деревне, и постоянно прочитывал свой перевод одному старокрещеному, и если что было ему непонятно, словечко какое или выражение, сейчас объяснивши ему мысль, общими силами добивались до настоящего выражения. И носился я с этим переводом по Казани, как курица с яйцом. Наконец, когда отпечатал, охладел и успокоился. Но все-таки достало бы еще у меня энергии показать свой перевод Василию Васильевичу, который, надеюсь, прельстился бы и звукоизображением посредством русского алфавита, совершенно по его вкусу” (по копии, хранящейся в личном архиве Ф.Д. Ашнина, из Отдела рукописей РГБ: Ф. 424. Картон 2. Д. 8). Здесь нельзя не вспомнить определения трех типов ученых востоковедов, которое было дано А.Н. Самойловичем; к первому типу он относил востоковедов, у которых “научный ин-

<sup>12</sup> Представляется, что это сообщение Ильминского имеет особое значение для татарской исторической диалектологии: букварь 1862 г. можно рассматривать как наиболее раннюю (почти полуторавековой давности) фиксацию диалектного языка (см. ниже о том, насколько тщательно выверялось каждое слово и выражение в татарской деревне).

<sup>13</sup> В доброжелательно-критическом письме В.В. Григорьева “О передаче звуков киргизского языка буквами русской азбуки” отразилась искренняя забота автора и о киргизах (т.е. казахам), и их языке: “Как горячо желал бы я, чтобы русская азбука заменила у киргизов употребляемую теперь общемусульманскую <...>. Как много пользы должна была бы замена эта принести, по моему мнению, и киргизам, и России” [Григорьев 1862].



терес сочетается с любовью к странам и народам Востока” [Самойлович 1925: 163], – к этому типу принадлежали и Ильминский, и Самойлович.

Примерно в то же время стараниями Ильминского в Казани была открыта начальная специальная школа для детей крещеных татар. Им же была создана центральная крещено-татарская школа; впоследствии заведование этой школой принял на себя его ученик и последователь В.Т. Тимофеев (крещеный татарин, 1836–1895 гг.). В этих школах нашла практическое применение совокупность методических приемов, которые были разработаны Ильминским в результате упорного поиска лингвистических основ такого обучения.

Как писал Ф.Д. Ашнин, “Вернувшийся из Оренбургской пограничной комиссии с богатым материалом по казахскому языку и фольклору Ильминский-лингвист в течение десятилетия еще преобладал над Ильминским-педагогом” [Ашнин 1978: 44]. И.Я. Яковлев в рукописных воспоминаниях о своем учителе сообщал: “Вечно он писал или диктовал другим <...>, причем диктовал, ходя по комнате нервно, быстрыми шагами, ясно, логично, без вставок и поправок...” (Научный архив ЧувГИГН, отд. II, ед. хр. 523, инв. № 1507, л. 41; цит. по [Ашнин 1978: 55]).

Сохранились сведения о рукописном “очерке татарского языка” Н.И. Ильминского, который он послал В.И. Вербицкому вслед за своим “Букварем для крещеных татар” в 1863 г. В письме Ильминскому от 1.07.1866 г. Вербицкий отозвался: «Драгоценнейшим источником для меня служит теперь Ваш “Очерк татарского языка” <...>» (цит. по: [Ашнин 1978: 44, 45]). Татарско-русский словарь Н. Остроумова, изданный в Казани в 1892 г., на самом деле является трудом трех лиц: Н.И. Ильминского, Н.П. Остроумова, А.А. Воскресенского (по сведениям М.Я. Ильминской).

Н.И. Ильминский активно включился в работу над “Грамматикой алтайского языка” [Грамматика 1869], фактически став ее истинным творцом (см. [Ашнин 1978: 61, 35–40; 1981: 10–15]), обозначив при этом свою авторскую бескорыстность словами: “Чужой чести принимать на себя я не намерен” (письмо к начальнику алтайской миссии от 27.05.1869 г., цит. по [Ашнин 1978: 59]). Оценочные высказывания ведущих тюркологов XIX в. о “Грамматике алтайского языка” резюмированы Ф.Д. Ашниным (“прекрасная грамматика”, “образцовое грамматическое сочинение по тюркским языкам” и т.п.) [Ашнин 1978: 35–39, 57; 1981: 15]).

Целенаправленная новаторская деятельность Ильминского, охватывающая магистральные направления тюркологии, а также русского просвещения Поволжья, Сибири, Средней Азии и Казахстана<sup>14</sup>, не осталась незамеченной: в 1871 г. он был избран членом-корр. Академии наук.

Впоследствии, высоко оценивая творческий подвиг Н.И. Ильминского, А.Н. Самойлович назвал его первым в ряду отечественных научно-подготовленных теоретиков-лингвистов в области тюркологии, выдвинувшихся во второй половине XIX в.: Ильминский, Корш, Залеман, Мелиоранский, Ашмарин [Самойлович 1928: 16].

В 1868 г. Ильминский стал руководителем вновь образованной Постоянной переводческой комиссии, при Братстве Гурия (образована согласно высочайше утвержденным Правилам 18.03.1868 г.), состоявшей из трех членов Совета братства и решавшей вопрос о качестве и необходимости тех или иных переводов. Совет братства мог издавать под собственной цензурой религиозную литературу на всех языках Казанского края (кроме мордовского). С середины 60-х годов Ильминский обрел в лице В.Т. Тимофеева постоянного помощника в издании вероучительных книг. В 1867 г. сфера деятельности Переводческой комиссии распространилась далеко за пределы Казанского края – достигла дальних местностей Сибири. Увеличился не только объем работы, но и тематика. Стремясь снабдить учебниками национальные школы, “мы печатали перево-

<sup>14</sup> Об участии Ильминского в деле национального образования в Туркестанском крае (см. [Знаменский 1900]; в качестве Приложения приводится “Записка Н.И. Ильминского о преподавании языков в Ташкентской учительской семинарии”).

ды не на одни только наречия Казанской края, но и на разные другие, и на мордовское, и не одни только религиозные и вероучительные книги, но также словари, грамматики и иногда подлинные образцы народной словесности иноверцев” (письмо № 103 от 22.01.1889 г., также № 102 от 16.12.1888) [Ильминский 1899: 33, 325]. Впоследствии такая инициатива вызвала гнев начальства, поскольку все это якобы “выходит за положенные Правилами границы” [Ильминский 1899: 332]. Работа ученого в Переводческой комиссии освещена в Приложении № 1 “Оппозиция в Совете братства Гурия и в Училищном совете Синода”, составленном М.Я. Ильминской).

“19.08.1872 г. Н.И. Ильминский перешел на должность директора вновь открытой в Казани инородческой учительской семинарии<sup>15</sup> с твердым намерением осуществить свою заветную мечту – отдать все силы просвещению и сближению народов многонациональной России” [Кононов 1989: 103]. В своей просветительной деятельности Н.И. Ильминский придерживался принципа: “Родной язык составляет сущность духовной природы человека и народа и самое сильное средство к перевоспитанию и образованию”<sup>16</sup> (цит. по [Знаменский 1892б: 456]). Отсюда два основных пункта в его просветительной системе, которые он, имея в виду школьное образование, коротко и ясно сформулировал в письме 1868 г.: “Во-первых, обучение инородцев должно происходить на их родном языке, и притом на языке народном (в противоположность книжному или попытке создать таковой язык); во-вторых, учитель непременно должен быть соплеменником своих учеников, т.е. инородцем же” (цит. по [Зеленин 1902: 178], см. также при

<sup>15</sup> Позднее она называлась Казанской учительской семинарией; см. [Витевский 1892]. Из-за принципиальных расхождений с председателем Училищного совета при Синоде, который был убежден, что “допущение инородческих языков в школу и церковь создаст народности в ущерб и во вред русскому народу и церкви” (из материалов М.Я. Ильминской), в условиях, когда “против инородческого образования воздвигается издавна, а чем дальше, тем больше, – вражда и брань с разных сторон и разного содержания”, жизнь Ильминского как председателя Переводческой комиссии на склоне лет была сильно осложнена. Оставаясь “душой всей просветительной деятельности миссионерского отделения” Казанской духовной академии [Знаменский 1892б: 475], он вынужден был из последних сил защищать свое детище – учительскую семинарию: “Не перестают там и сям раздаваться, и подчас желчные и раздраженные, возражения. <...> Я и огрызаюсь, и верчусь на все стороны, но у меня разладилась голова: чуть что неприятно или враждебно коснется моей миссии <училищной и переводческой>, то сейчас бросается в голову, и иногда мне приходит на мысль, что я могу иметь неожиданно конец <...>. Есть люди которые почти ждут моей смерти, полагая, что я единственная опора и защита инородчества. Вот Вы и защитите бедных, едва начинающих становиться на ноги и видеть свет Христов, инородцев” (из письма К.П. Победоносцеву от 3.02.1891 г. [Ильминский 1899: 376, № 121]). А за два года до этого, душою болея за “инородческое” образование, 67-летний Ильминский напрямую обратился к обер-прокурору Синода К.П. Победоносцеву за помощью: “Убедительнейше просил бы я Вас снабдить меня советом, содействием и даже, можно сказать, ограждением” (письмо № 102 [Ильминский 1899: 321–322]). Тем не менее, последняя служебная записка Ильминского “О применении родных языков в подготовительных классах церковно-приходских школ” на заседании Училищного совета Синода 25.VI.1891 г. была встречена “в штыки” (письмо № 130).

27 декабря 1891 г. Николая Ивановича Ильминского не стало.

<sup>16</sup> В связи с этим тезисом Ильминского интерес представляет следующее высказывание востоковеда же акад. С.Ф. Ольденбурга (1863–1934) о родном – русском – языке: “Русский язык, насколько могу судить, делает огромные успехи на Западе. Даже здесь, среди заскорузлого французского самонадеяния, усердно учатся всегда русскому языку и усердно переводят. Если только мы русские не окажемся в общем плохи, то дело русского языка близко к победе. Надо только, чтобы мы сами им серьезно занялись и чтобы в русской школе (на всех трех ступенях) <он> получил преобладающее значение. Форма, в которую <он> выливается, имеет огромное значение\*, по-моему, на самую мысль. Своим долгим первенством Франция главным образом обязана языку” (из письма С.Ф. Ольденбурга В.Р. Розену от 17–18/29–30.12.1893 г., Париж) [Ольденбург 2004: № 64].

\* Здесь имеется в виду – влияние.

жизни не изданное письмо Ильминского (1864 г.) [Ильминский 1900]<sup>17</sup>. Известный чувашевед-тюрколог Н.И. Ашмарин, у которого была бабушка чувашка и который с 13 лет проявлял интерес к чувашскому языку, в 1895–1899 гг. преподавал в Казани татарский язык в крещено-татарской школе и географию в инородческой учительской семинарии (до 1919 г.).

Самой выразительной характеристикой Н.И. Ильминского, ученого и человека<sup>18</sup>, является следующая: «...в 1884 г., когда в Отделении истории и филологии РАН “открылась... одна из вакансий ординарного академика по части ориентализма, то весьма естественно внимание Отделения остановилось прежде всего на известном знатоке этих языков, директоре Учительской семинарии в Казани Ник.Ив. Ильминском... На вопрос о согласии его занять место в Академии г. Ильминский отвечал отказом, мотивируя его нежеланием расстаться с Казанью и с кругом его там занятий, имеющих столь высокое благотворное значение для местных интересов. Но, отклоняя от себя сделанное ему предложение, г. Ильминский, в интересе науки, которой он искренно предан, и в интересе Академии, к которой он издавна принадлежит как член-корреспондент, горячо рекомендовал вместо себя, как кандидата, даже более достойного, чем сам, уже известного и самой Академии ученого исследователя тюркских языков, статского советника Василия Васильевича Радлова” (из представления академиков Ф.И. Видемана, А.К. Наука и О.Н. Бётлингга, внесенного в ОИФ АН на заседании 18.09.1884)» [Кононов 1989: 103–104].

Публикуемый ниже перевод “О языке туркменов”, выполненный известным специалистом по туркменскому и чувашскому языкам, составителем многих томов “Этимоло-

<sup>17</sup> О переводческой и просветительской деятельности Н.И. Ильминского дает представление перечень его работ, опубликованный Ф.Д. Ашниным [Ашнин 1978: 47 (примеч. 54)]. Там же указаны статьи, где анализируются его педагогические воззрения; из составленных работ, касающихся известной в истории педагогики “системы Ильминского”, см. [Ведерников 1988]; выражаем признательность И.Г. Добродомову, указавшему нам на эту работу.

<sup>18</sup> Для Ильминского как человека характерно и другое – отношение к молодежи. У тюрков есть пословица: *Бәләлик үй бәзар, бәласиз үй мазар* (узб.) “Дом с детьми – базар, дом без детей – мазар (кладбище)”, букв. “могила чтимого святого”. Вопреки пословице, дом бездетных Ильминских был открыт для молодежи – не только русской, но и татарской, чувашской, казахской. В Оренбурге, например, “Алтынсарин являлся ко мне каждый вечер часам к семи и просиживал часов до двенадцати. Беседы наши главным образом состояли в объяснении слов. Я не ограничивался переложением иностранных слов на русские, но <...> распространялся в объяснении понятий, особенно когда доходила очередь до технических терминов. <...> Как симпатичнейший юноша Алтынсарин сделался приятным гостем в моей семье” [Ильминский 1891: 21]. Мать М.Я. Ильминской, в молодости часто бывавшая в этом гостеприимном доме, рассказывала, “как там было хорошо, уютно, интересно. Много молодежи: студенты, гимназисты, академики. Много пели, музицировали. Уходить не хотелось!” (из письма М.Я. Ильминской Ф.Д. Ашнину от 3.VI.1984). После безвременной смерти А.А. Бобровникова Николай Иванович вместе с женой Екатериной Степановной усыновили и вырастили трех малых его детей, своих крестников.

В 1877 г. Екатерина Алексеевна Бобровникова вышла замуж за Ивана Яковлевича Яковлева, называвшего себя “одним из главных последователей и сотрудников великого просветителя инородцев Н.И. Ильминского” (из письма В.И. Ленину от 18.12.1919 г., по сообщению М.Я. Ильминской). Николай Алексеевич Бобровников также стал ближайшим последователем и помощником Н.И. Ильминского, видным деятелем российского просвещения. См. о нем [Ильминский 1899: 349, 367, 368, 379, 383, 385, 403]. Сохранилось 5 писем Н.А. Бобровникова к А.Н. Самойловичу (ПФ АРАН. Ф. 782. Оп. 2. Д. 8).

Современники писали об Ильминском как о личности, “в высшей степени обаятельной”: “человек небольшого роста, с серыми добрыми глазами и уже седеющими волосами, ...Ильминский, не столько по своему внешнему виду, сколько по силе своих религиозных убеждений и не поддающейся описанию простоте, олицетворял в моем воображении положительный тип из народа, на отыскание которого направлены были силы таких знаменитостей, как Пушкин, Гоголь, граф Толстой и т. д. Этого мало: Ильминский всегда напоминал мне забытых святителей древней Руси” [Назарьев 1898: 711–712].

гического словаря тюркских языков” Л.С. Левитской, возвращает нас к полузабытым страницам отечественной истории изучения туркменского языка и его диалектов. Работа Ильминского представляет не только исторический, но и собственно научный интерес, поскольку в ней впервые (в 1859 г.) фиксируются особенности двух туркменских диалектов, которые получили последующее систематическое описание только в 30-е годы XX в. Отмечены существенные фонетические, морфологические и лексические черты обоих диалектов; будучи сопоставлены с современными данными, они дают определенное представление о динамике развития языка. Публикация перевода позволяет, говоря словами А.Н. Самойловича [Самойлович 1925: 163], “подвинуть вперед начатое, но далеко не законченное дело оценки научного вклада” Н.И. Ильминского, определения его места в истории тюркологии.

## О ЯЗЫКЕ ТУРКМЕН

(из письма Н.И. Ильминского А. Шифнеру)

При публикации Письма Н.И. Ильминского по техническим причинам пришлось свести к минимуму арабские написания (замены помечены звездочкой перед словом) и несколько упростить принятую им усложненную систему транскрипции: гласные переднего ряда обозначены как *ā*, *ī*; аффикаты *ж* и *ч* – как *ǰ* и *č*. Фактический языковой материал (склонение личных местоимений, спряжение) оформлен нами в виде таблиц. Примечания переводчика к тексту даны в Списке литературы (в алфавитном порядке).

При иллюстративных примерах иногда значение, как и в Письме, приводится на немецком языке, а рядом добавляется перевод на русский, чаще же дается русский перевод. Сохранена грамматическая терминология, использованная Ильминским, вариативное употребление *йамуд* – *йомуд* заменено общепринятым *йомуд*.

Перевод с немецкого языка выполнен нами по тексту см. [Ilminsky 1860].

Л.С. Левитская

Прошлым летом мои служебные обстоятельства позволили мне посетить места кочевок туркмен на восточном берегу Каспийского моря, а также только отчасти ознакомиться с их языком.

Муравьев полагал, что диалект туркмен близок к диалекту казанских татар; И.Ф. Бламберг называет его “испорченным чагатайским”.

Перед моим посещением туркменской пустыни я имел возможность видеть несколько официальных бумаг, которые были составлены туркменами, кочующими в Хивинской области; они были действительно написаны на языке, который по своим грамматическим формам близок чагатайскому, как тот представлен в книгах и дипломатических документах из Хивы. Чагатайские формы употребляются туркменами в их сказках. Ниже следует начало сказки о Хосрове, которую я слышал в Александровском форту на Мангышлаке:

Ertegi zamanda H'osrew degän padša bar irdi. Üziniñ uylı qızı yoq perzendsiz irdi. Onıñ h'asım Räušan degän iki wäziri bar irdi. H'asım wäziriniñ onıñda uylı qızı yoq irdi. Üzi aıdıkı dana irdi. Räušan üzi bai uylı qızıl irdi. Räušan toi qıldı uylına qızına, yurdın çaqırdı. O zamanda uylı bar bolsa toji gelgändä at mindirir irdi; qızı bar bolsa h'alat kidirir irdi. Eger perzendi yoq kişi bolsa

onñ bilinä malnñ süyägin qıstırır irdi, yene buyına baylar irdi, yene atnñ quyuruına da baylar irdi. Hämmäsini padşaya bayladılar. Padşanın künli yaman bolub attandı и т.д.

Так как туркмены Мангышлака имеют соседями киргизов из племени Адай, с которыми находятся в постоянных сношениях, они знают киргизский язык и разговаривали также на этом языке со мной, так как они заметили, что киргизский я понимаю лучше, чем туркменский. Эта слабость, свойственная туркменам как всякому малоразвитому народу, мало уважать свое и стремиться похвастать чужим, вводит наблюдателя в заблуждение. Но в действительности туркмены имеют свой собственный диалект, который очень интересен и у различных племен показывает особые свойства и оттенки.

Я общался с двумя туркменскими племенами – эсен-или и йомуд.

Позволю себе сделать несколько замечаний о туркменском народном языке, при этом лишь себя надеждой, что эти замечания смогут способствовать решению вопроса, какое место надо определить этому языку среди многих ветвей тюркского языка.

Произношение туркмен отличается пристрастием к Mediae. Так, мы находим *d* вместо *t* (которое в середине слова перед гласным сохраняется редко) в начале слов (почти всегда) и в исходе перед вокализованным суффиксом, например: *daş* = \**taş*, *daγ* = \**taγ*, *duγı* = *toγı*; *dün* = \**tün*; *dünämak* ‘des Nachts beten [читать вечернюю молитву]’; [‘ночевать’]; *odun* = *otun* ‘дрова’; ‘топливо’; *ot* ‘огонь’, *oda sal* ‘lege aufs Feuer [положить, поставить на огонь]’. Вместо *k* в начале слов часто слышится *g*; например, *gerek* = \**keräk* [‘нужный, нужно’], *gelmäk* = \**kelmäk* [‘приходить’].

Дентальные *z*, *s* произносятся таким образом, что язык осторожно кладут на верхние зубы, благодаря чему возникают звуки, которые похожи на арабские *z* и *ṣ*, но иногда они приближаются к шепеляво произносимым *d* и *t*.

*y* (= *j*) никогда не переходит в *ž*.

Гуттуральные *γ* и *g* постоянно сохраняются там, где они относятся к корню слова: *sıγır*, *uγıl*, *saγır* ‘глуховатый’, *uγlan* ‘парень’, *yigda* ‘джидда (известный куст в степи)’, *yaγ* ‘масло’. Но в именных и глагольных суффиксах гуттуральный избегается, как мы это увидим позднее.

Гласные *a*, *e* имеют в начале слова аспирацию, которая близка к немецкому *h*: *helek* ‘сито’, *haidamaq* ‘гнать’; *p* переходит в середине слов в слабый *f*: *tafılur* = \**tapılur*.

Склонение имен близко к османскому, т.е. вместо *nin*, *ıı*, *ni* после исходного согласного употребляются *in*, *a*, *i*. В Dativ’e слов, оканчивающихся на гласный, мы находим, что исходный гласный слился с суффиксом *a* в долгий *ā*; например: *ıılqı* ‘лошадь’, дат. ед.ч. *ıılqā*; *ada* ‘остров’, дат. *adā*.

Личные местоимения склоняются следующим образом:

| Ед. число      |                 |                | Мн. число       |                 |                   |
|----------------|-----------------|----------------|-----------------|-----------------|-------------------|
| <i>men</i> ‘я’ | <i>sen</i> ‘ты’ | <i>ol</i> ‘он’ | <i>bez</i> ‘мы’ | <i>sez</i> ‘вы’ | <i>olar</i> ‘они’ |
| <i>meniñ</i>   | <i>seniñ</i>    | <i>onñ</i>     | <i>beziñ</i>    | <i>seziñ</i>    | <i>olarñı</i>     |
| <i>maña</i>    | <i>saña</i>     | <i>oña</i>     | <i>bezä</i>     | <i>sezä</i>     | <i>olara</i>      |
| <i>meni</i>    | <i>seni</i>     | <i>ont</i>     | <i>bezi</i>     | <i>sezi</i>     | <i>olart</i>      |

Каждое имя может принимать слог уменьшительности *žik*, за исключением однословных корней, которые получают *žayaz*: *başžayaz* ‘головка’, *atžayaz* ‘лошадка’, *dünžayaz* ‘ноченька’.

Количественные числительные следующие: 1 – *ber*, 2 – *iki*, 3 – *üš*, 4 – *dört*, 5 – *bäs*, 6 – *altı*, 7 – *yeddi*, 8 – *sekkiz*, 9 – *doquz*, 10 – *ön*, 20 – *yigirmi*, 30 – *otuz*, 40 – *qerq*, 50 – *elli*, 60 – *altmıš*, 70 – *yetmıš*, 80 – *segse*, 90 – *doqsan*, 100 – *yüz*, 1000 – *mıñ*.

Порядковые числительные образуются при посредстве суффикса *lan<sup>5</sup>i*. Для обозначения дробей употребляется слово *pai* ‘часть’: *bäš paidan dört pai aldım* ‘Я взял от 5 частей 4 части = Я взял 4/5’.

Для образования разделительных числительных (Distributiva) вместо суффиксов \*-r и \*-şar, которые в туркменском отсутствуют, употребляется количественное числительное с “последогом” *dan*: *bäš manädan* ‘по пяти рублей’, иногда числительное повторяется: *bäşdan bāşdan* ‘по пяти’.

Примечательно спряжение:

| у есен-или        | у йомудов             |
|-------------------|-----------------------|
| <i>bartyurun</i>  | <i>bartyarin</i>      |
| <i>bartyursin</i> | <i>bartyarsin</i>     |
| <i>bartyur</i>    | <i>bartyar</i>        |
| <i>bartyuruz</i>  | <i>bartyartız</i>     |
| <i>bartyursız</i> | <i>bartyarsız</i> <?> |
| <i>bartyurlar</i> | <i>bartyarlar</i>     |

Суффикс *-yur, -yar*, я полагаю, возник из *\*dur, d-* которого могло быть йотировано; это подтверждается тем, что форма, выражающая Partic. praes., образуется двояко: *üziniñ yurđınıñ süzini saqla iduran urnı bar* ‘Имеются места (в письмах), где <туркмены> сохраняют слова своего родного языка’ (N.B. это показывает, что даже в обычных письмах туркмены нередко грешат против чистоты своего языка); *men Kindirlā: bariyuran gşi derin* ‘Я – человек, едущий в Киндерли’.

Подобный преобразованный вспомогательный глагол-суффикс содержит также *Gerundium praet.*: *yoqlabyurun* [?] ‘Я ищу потерянное’; *nēma qarabyursin* ‘Что ты ищешь?’.

Оканчивающиеся на гласный глаголы удерживают его в диалекте есен-или; у йомудов он переходит в долгий *i*. То же самое происходит с отрицательными формами.

Имперфектум, или продолженное в прошедшем, звучит у есен-или: *bariyurdim*, у йомудов: *bariyardım*. Вообще последние отказываются в *Präteritum*’е вспомогательного глагола от начального гласного *bardı* = *\*bar idi*, *yoqtım* = *\*yoq edim*.

*Präteritum bardım* спрягается по общетюркской грамматике. *Futurum barırın* спрягается как *Präsens*. *Futurum* отрицательной формы звучит: *barman, barmazsın, barmaz, barmazız, barmazsız, barmazlar*.

Условное наклонение *barsam* образуется по общему правилу; из него с добавлением вспомогательного глагола *ikän* образуется *Optativ*: *barsam ikän* ‘wenn ich führe’ <?>.

*Imperativ*: *barayın, bar, barsın, barailı, barın, barsınlar*.

*Prohibitiv* 1 лица ед. числа: *barman* = *\*barmayun*.

Деепричастия образуются как в тюркском: *bara, barıb*. Последнее иногда употребляется в значении *Indicativa*: *sen barıb ma?* ‘Ты пошел?’. Отрицательная форма соответствует деепричастию прошедшего времени: *barman* = *\*barmayn*, например, *ol yerä barman bolmaz* ‘Man kann nicht umhin, dorthin zu fahren’.

К деепричастиям нужно также причислить форму: *geläli, baralı* = *seit man gekommen, gegangen*. Она соответствует более древней, сохранившейся у киргизов форме *\*kelkäli, \*barıalı*.

Туркмены имеют также вид супина: *barıra* = *\*barurıa*; *barıra gerek* = *barmaıa gerek* = *barsam gerek*. Говорят также *tafilır gerek* ‘Es muss sich finden’.

Причастия настоящего времени, как дано выше: *bariyuran*; у йомудов: *bu geliyaran adam ber süz getir* (у есен-или: *getirir*) ‘Этот приходящий человек принесет слово (т.е. должен что-то сказать)’. Но иногда содержит *duran* = *\*turıan*.

Причастие прошедшего времени оканчивается на *-an* вместо *yan*, т.е. с потерей гуттурального: *baran* = \**baryan*: *baran gşi barma* ‘Есть ли человек, который ушел?’; *dan atanda* = \**tan atqanda* ‘на рассвете’.

Глаголы, основа которых оканчивается на гласный, получают вместо него долгий *ā*: *uqān* = \**oqyan*, *yasān* = \**jasa yan*. Аналогично этому причастие отрицательной формы должно было быть *barmān* = \**barmayan*, однако, вероятно, чтобы избежать двусмысленности, употребляется совсем неправильная форма *barmadiq*; так: *baran gşi bilir, barmadiq gşi bilmāz* ‘Кто пришел, тот знает; кто не пришел, тот не знает’. Причастие прошедшего времени употребляется также в следующих примерах: *gelānmiş* ‘Говорят, что он пришел’, *geländur* ‘Нужно полагать, что он пришел’. Из этой формы образуют так же, как и в татарском, форму для отрицания наличия действия: *gürānim yoq* ‘Я не видел’. Следует отметить при этом сокращение у йомудов; в то время как есен-или говорят *gürānyoq* ‘Он не видел’, у тех слышится *gürānoq*; у этих: *gürānim yoq*, у тех: *gürāmoq*.

Причастие будущего времени: *barir, barmaz*; пример: *bilmāz yerdä don izzetli, bilir yerdä baş izzetli* ‘Там, где (его) не знают, почитаемо платье, где (его) знают, почитаема голова’ (= русской поговорке: По платье встречают, по уму провожают).

Далее мы отметим причастие, оканчивающееся на *-žaq, -žäk*, например, *baržaq, gelžäk*. Из этого причастия в сочетании с претеритом вспомогательного глагола образуется условная форма: *baržaqtm* ‘я пошел бы’. *Dün Balquyā baržaq künlün bardı, üzüm yolını bilmüyärin, biledsiz bara bilmädim; biledim bar bolsa baržaqtm*. ‘Вчера я хотел идти в Балкую, но не мог идти туда без проводника; если бы при мне был проводник, я пошел бы’. Это, как можно видеть, в диалекте йомудов; диалект есен-или предлагает полную форму вспомогательного глагола.

Имеется вид причастия, которое звучит: *barmalı gelmäli* ‘тот, который должен идти, прийти’, *itmäli* ‘то, что должно быть сделано’. Эта форма также употребляется как Indicativ, или скорее Imperativ, в значении указания, просьбы. (N.B. Подобную форму представляют глагольные адъективы: *yemäli* ‘съедобный’, *kücmäli* ‘кочевой’.) Впрочем, причастия перифрастически могут также употребляться в значении индикатива: *gelžäkdirin* ‘я приду’, *gelžäksin* ‘ты придешь’, *gelžäkdiriz* ‘мы придем’.

Infinitiv: *barmaq*.

Примечательно сокращение личных окончаний ед. числа у йомудов при вопросе: *gelirmiş* ‘Ты придешь?’, *Öbaña qaidarmıñ? – Ruhsat birsä qaidıyarız*. ‘Вернешься ты в аул? – Если он разрешит, вернусь’. (N.B. Вежливость туркмен требует говорить о себе во мн. числе.)

Здесь следует маленький образец диалекта йомудов:

*Nefes Maqtum öbasında ma? öbasında. Uşana gelžäkmä? – gelirin dib aidıyar. Qaçan gelžägin bildiñmä? – işte gelir*. ‘Нефес Мактум в своем ауле? – В своем ауле. Он придет на пароход? – Он говорит, что придет. – Ты знаешь, когда он придет? – Он сейчас (вот) придет’.

Здесь я приведу несколько обычных пословиц туркмен:

*Itin ağız ala bolsa qurd gürändä berigir; Qulan balası at bolmaz, qurd balası it bolmaz; Yetim uqla saqlasan, ağızı burnuñ yaq bolur, yetim uqlan saqlasan, ağızı burnuñ qan bolur* (немецкий перевод пословиц нами опущен. – ЛЛ.).

В заключение я позволю себе сообщить кое-что из туркменской лексики. Море – *deniz*; Каспийское море – *kükküz*; каждый морской залив, будь он велик, как Карабогаз-гол, или мал, как залив Балхан или Красноводский залив, называют *adki*. *Adki* означает собственно ‘горько-соленый’. Морские заливы так называются, потому что в них вода гораздо солонее, чем в море. За нужду верблюд может пить воду из моря, но никогда из залива. Для морского залива употребляют также слово *ajlaq*, т.е. ‘окруженный’, от глагола *ajlamaq* ‘окружать’, от которого происходит чаще встречающееся в употреблении *ajlanmaq*. Горько-соленая колодезная вода – *adki su*. Источниковая вода – *süiži*.

Члены семьи: дедушка – *baba*; бабушка – *tama, ine*; отец – *ata*; мать – *ana*; жена – *heläi* (араб. *hālāl*); старший сын – *tumsa*; средний сын – *urtanži*; младший – *kürfä*; внук – *aqıq*; правнук – *çauhq*; праправнук – *qauhq*; сын которого – *yauhq*. Отсюда выражение: *adam*

*çauluň güriür, yauluň gürmäz* “Человек может видеть своего внука, но правнука он может не видеть”. Старший брат – *aňa*, младший – *ini*, старшая сестра – *igeçi*, младшая – *uua*.

Названия лошади по полу и возрасту: лошадь вообще, без различия пола: *yılgı*, жеребец – *yābi*, мерин – *aıyr yābi*, ахта *yābi*, кобыла – *baıtal*, жеребенок в 1, 2 и 3 следующие годы – *qulun*, *yafaň*, *tai*, *qunan*, *dünän*, *bäşli*, *altılı*.

Названия баранов: баран без различия пола: *qöyün*, баран в стаде – *quç*, матка – *saňıq* (у есен-или), *saňmal* (у йомудов). Только что родившийся ягненок – *quzi*, однолетний – *isçek*, двухлетний – *öwäç* (йомуд), *qunan qöyün* (есен-или), трехлетний – *maň qöyün* (йомуд), *dünän qöyün* (есен-или), четырехлетний – *maňramaz* (йомуд), *ulu yaşli* (есен-или).

Названия верблюдов: верблюд вообще – *düyä*; двухгорбый самец – *buňa*; самка – *irek*; молодой, в начале 1-го года – *küçäk*, 2-го года – *üşiq*, 3-го года – *iki yaşar*, 4-го года – *üş yaşar*, 5-го года – *çitir*<sup>19</sup>, 6-го года – *iki dişli* (в этом году получает верблюд два больших зуба); одnogорбый верблюд, самец – *irkek*, самка – *arwana*; помесь одnogорбого и двухгорбого верблюда: самец – *iner*; самка – *maua*. Молодняк всех видов имеют называют одинаково.

Названия коз: коза вообще – *geçi*; козел – *teke*, кастрированные козел – *serke*, коза – *geçi*, козленок в 1-й год – *uňag*, во 2-й год самец – *erkek*, самка – *doň*, у есен-или самец – *isçek*, самка – *doňgeçi*; на 3-й год – *öwäk teke* или *serke* или *geçi*, на 4-й – *maň teke* и т.д., на 5-й – *maňramaz teke* и т.д. Есен-или не имеют особых названий для двух последних. Для вожделения козьего стада выбирается взрослый козел, его не стригут и называют *yıq*.

Названия пальцев, начиная от большого (у есен-или): *başam*, *suwam*, *urtam*, *atsız*, *siläça*. *Fingirmaase*: расстояние между вытянутыми большим и указательным – *süyäm*; между вытянутыми большим и мизинцем – *qarım*; между вытянутыми указательным и мизинцем – *sirä*, между указательным и безымянным – *aqsaq sirä*. У йомудов называют пальцы, начиная с большого: *başam barmaq*, *süyäm barmaq*, *urta barmaq*, *uňulžaq*, *sekelek*.

Части головы: лоб – *alıñ*; темя, макушка – *kelle* (есен-и.), *defe* (йом.); затылок – *ıñsä*; висок [височная часть щеки] – *duluşum* (есен-и.), *çeke* (йом.).

У туркмен вообще известен двенадцатилетний китайский цикл. Названия лет имеют лишь звуковые особенности. 1 – *siçan*, 2 – *siňır*, 3 – *bars*, 4 – *tıušan*, 5 – *lū*, 6 – *yılan*, 7 – *yılgı*, 8 – *qoyun*, 9 – *bižin*, 10 – *taşqı*, 11 – *it*, 12 – *doňuz*.

Из числа названий месяцев мухаммаданских лишь некоторые отклоняются от обычных арабских: *aşır-ai* (араб. \**aşura* = Muharrem); *öt yaqar* = Schaban (при новолунии месяца Шабан зажигают костер, огонь и из палатки выносят в поле); *uraz-ai* = Ramadhan; *beiram-ai* = Schawal; *boş-ai* = Dzulkade; *qurban-ai* = Dzulhidsche.

Осевшие на берегу туркмены занимаются рыбной ловлей. Они ловят три вида рыбы: осетр – *bäkrä*, севрюга (*acipenser stellatus*) – *süürük*, белуга – *duqı*. Продукты из рыбы: рыбий клей – *yelim*, икра – *uwıldırıq*, вязига – *qıyrdaq*. Насколько искусно туркмены ловят рыбу гарпунами, настолько же искусно они управляют своими лодками. В их языке большой корабль называют *içan*, большую лодку с мачтой – *girdi*; лодку средней величины – *lödka*; маленькую плоскую лодку, на которой туркмены плавают вдоль своих очень мелководных берегов и привозят из Персии рабов – *qulaz*; парус – *elkän*, мачта – *buňalıq*, рея – *keleten*; помост, на котором установлена мачта, – *azna*<sup>20</sup>; банка – *utra*, руль – *sifend*<sup>21</sup> (из перс.?), рукоятка руля – *deste* (перс.), весло – *çab*; якорь – *lawır*, канат – *if*.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алиев, Борисев 1929 – А. Алиев, К. Борисев. Русско-туркменский словарь. Ашхабад, 1929.

<sup>19</sup> В диалектах туркменского языка имеется слово *çetir* ‘четырёхлетний верблюд’ (эрсари, сарык [Аразкулиев и др. 1977: 197]; нохур [Мухыев 1959: 83, 84]). В нохурском диалекте отмечено *oňuq* ‘верблюжонок’ [Мухыев 1959: 83].

<sup>20</sup> Ср. турк. диал. *azza* ‘брус, доска’ и *jazna* ‘поперечные доски в лодке’ [Атаджанов 1958: 101].

<sup>21</sup> Ср. турк. *sujlent* ‘руль’ [Алиев, Борисев 1929: 349].



- Аразкулыев и др. 1977 – С. Аразкулыев и др. Краткий диалектологический словарь туркменского языка. Ашхабад, 1977 (на турк. яз.).
- Атаджанов 1958 – М. Атаджанов. Салырский диалект туркменского языка: Дисс. ... канд. филол. наук. Ашхабад; Мары, 1958 (на турк. яз.).
- Ашнин 1978 – Ф.Д. Ашнин. Первая печатная научная грамматика алтайского языка: Проблема авторства // Тюркологический сборник 1975. М., 1978.
- Ашнин 1981 – Ф.Д. Ашнин. Первая печатная научная грамматика алтайского языка: (Вопрос о названии) // Тюркологический сборник 1977. М., 1981.
- Березин 1845; 1847 – И.Н. Березин. Годичный отчет путешествующего по Востоку // ЖМНП. 1845. Ч. 53; 1847. Ч. 55.
- Березин 1849–1851 – И.Н. Березин. Библиотека восточных историков, издаваемая И. Березиным. Т. 1–2. Казань, 1849, 1851.
- Благова 1961 – Г.Ф. Благова. К вопросу о подлинности текста “Бабур-наме” по Керовскому списку // Краткие сообщения Ин-та народов Азии АН СССР. Вып. XLIV. М., 1961.
- Благова 1993 – Г.Ф. Благова. Из истории тюркской текстологии: А.Н. Самойлович – исследователь “Бабур-наме”. М., 1993.
- Благова 2003 – Г.Ф. Благова. Об А.А. Бобровникове – из забытых и неизвестных источников (По личному архиву Ф.Д. Ашнина) // Монголоведение в новом тысячелетии: (К 170-летию организации первой кафедры монгольского языка в России) / Материалы Международной научной конференции. Элиста, 2003.
- Благова 2005 – Г.Ф. Благова. Н.И. Ильминский и А.Н. Самойлович: работа над “Бабур-наме” // Восток (Oriens). 2005. № 1.
- Благова, Грунина, Левитская, Поцелуевский 2004 – Г.Ф. Благова, Э.А. Грунина, Л.С. Левитская, Е.А. Поцелуевский. Александр Петрович Поцелуевский (1894–1948) // Восток (Oriens). 2004. № 5.
- Ведерников 1982 – В.Н. Ведерников. Николай Иванович Ильминский (1822–1891) // Русская речь. 1982. № 2.
- Ведерников 1986 – В.Н. Ведерников. Первый учебник русского языка для казахов // Русск. яз. в нац. шк. М., 1986. № 12.
- Ведерников 1988 – В.Н. Ведерников. Особенности развития методики обучения русскому языку в национальных школах Поволжья и Казахстана. Дисс. ...канд. филол. наук. М., 1988<sup>22</sup>.
- Грамматика 1869 – Грамматика алтайского языка / Сост. членами алтайской миссии. Казань, 1869.
- Григорьев 1862 – В.В. Григорьев. О передаче звуков киргизского языка буквами русской азбуки (письмо к Н.И. Ильминскому). Казань, 1862.
- Дмитриев 1954 – Н.К. Дмитриев. Официальный отзыв на канд. дисс.: Г.Ф. Благова. Характеристика грамматического строя (морфологии) староузбекского литературного языка конца XV века по “Бабур-наме” [М., 1954], ркп.
- Дмитриев 2001 – Николай Константинович Дмитриев. К 100-летию со дня рождения. М., 2001.
- Загоскин 1865 – М. Загоскин. Воспоминание об Алексее Александровиче Бобровникове // Сибирский вестник. Иркутск, 1865. № 42–43 (28.VI и 6.VII.1865).
- Зеленин 1902 – Д.К. Зеленин. Н.И. Ильминский и просвещение инородцев (К 10-летию со дня смерти 27.XII.1901 г.) // Русская школа. СПб., 1902. № 2.
- Знаменский 1892а – П. Знаменский. На память об Н.И. Ильминском. Казань, 1892.
- Знаменский 1892б – П. Знаменский. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования. Вып. 2. Казань, 1892.
- Знаменский 1900 – П.В. Знаменский. Участие Н.И. Ильминского в деле инородческого образования в Туркестанском крае. Казань, 1900 (см. также: Русская школа. 1902. № 7, 8).
- Ильминский 1857 – Н.И. Ильминский. Бабур-наме или Записки Султана Бабера / Изд. в подлинном тексте Н. И. [льминским]. Казань, 1857.
- Ильминский 1860 – Н.И. Ильминский. Древний обычай распределения кусков мяса, сохранившийся у киргизов. Пояснение одного места в Истории моголов Рашид-Эддина [письмо Н.И. Ильминского к П.С. Савельеву]. СПб., [1860].

<sup>22</sup> Один из начальных вариантов заглавия кандидатской диссертации В.Н. Ведерникова формулировался иначе: “Становление методики преподавания русского языка как неродного во второй половине XIX века (на материале Казанского учебного округа)”.

- Ильминский 1861 – *Н.И. Ильминский*. Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка // Уч. зап. Казанск. ун-та. Кн. III. Казань, 1861.
- Ильминский 1863 – *Н.И. Ильминский*. Материалы для джагатайского склонения. Из Бабернаме // Уч. зап. Каз. ун-та. Вып. 1–2. Казань, 1863.
- Ильминский 1865 – *Н.И. Ильминский*. Об А.А. Бобровникове // Православное обозрение. Казань, 1865. Т. 17, май.
- Ильминский 1871 – *Н.И. Ильминский*. Практические замечания о переводах и сочинениях на инородческих языках. Казань, 1871.
- Ильминский 1883 – *Н.И. Ильминский*. Из переписки по вопросу о применении русского алфавита к инородческим языкам. Казань, 1883.
- Ильминский 1888 – *Н.И. Ильминский*. Беседы о народной школе. Казань, 1888.
- Ильминский 1891 – *Н.И. Ильминский*. Воспоминание об И.А. Алтынсарине. Казань, 1891.
- Ильминский 1892 – *Н.И. Ильминский*. О применении русского алфавита к инородческим языкам // *Н.И. Ильминский*. Избранные места из педагогических сочинений, некоторые сведения о его деятельности и о последних днях его жизни / Издание почитателей покойного. Казань, 1892.
- Ильминский 1899 – *Н.И. Ильминский*. Письма Н.И. Ильминского к К.П. Победоносцеву. Казань, 1899.
- Ильминский 1900 – *Н.И. Ильминский*. О способах обучения инородцев (отд. отт. из: Церковные ведомости. 1900. № 2).
- Кононов 1982 – *А.Н. Кононов*. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Изд. 2-е, доп. и испр. Л., 1982.
- Кононов 1989 – *А.Н. Кононов*. Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. Изд. 2-е, перераб., подготовил А.Н. Кононов. М., 1989.
- Матвиевская, Зубова 2002 – *Г.П. Матвиевская, И.К. Зубова*. Владимир Иванович Даль. 1801–1872. М., 2002.
- Мелиоранский 1894 – *П.М. Мелиоранский*. Краткая грамматика казак-киргизского языка. Ч. I: Фонетика и этимология. СПб., 1894.
- Мелиоранский 1897 – *П.М. Мелиоранский*. Краткая грамматика казак-киргизского языка. Ч. II: Синтаксис. СПб., 1897.
- Мухыев 1959 – *Х. Мухыев*. Нохурский диалект туркменского языка. Ашхабад, 1959 (на турк. яз.).
- Назарьев 1898 – *В.Н. Назарьев*. Внешние всходы // Вестник Европы. Т. II. Апрель. 1898.
- Ольденбург 2004 – *С.Ф. Ольденбург*. Переписка В.Р. Розена и С.Ф. Ольденбурга // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. 2. М., 2004.
- Периодическая печать 1959 – Русская периодическая печать (1702–1894). Справочник. М., 1959.
- Русский биографический словарь 1908 – Русский биографический словарь. Т. 3. СПб., 1908.
- Самойлович 1907а – *А. Самойлович*. Памяти П.М. Мелиоранского // Зап. Вост. отделения Русск. археолог. об-ва. 1907. Т. XVIII. Вып. 1.
- Самойлович 1907б – *А.Н. Самойлович*. – Зап. Вост. отделения Русск. археолог. об-ва. 1907. Т. XVII (1906). Вып. 2–3. – Рец. на: *С. Агабеков*. Учебник тюркменского наречия с приложением сборника пословиц и поговорок тюркмен Закаспийской области. 1904.
- Самойлович 1914 – *А.Н. Самойлович*. Абду-с-Саттар кызы. Книга рассказов о битвах текинцев / Изд., пер., примеч. и введением снабдил А.Н. Самойлович. СПб., 1914 (Изд. фак-та вост. языков СПб. ун-та, № 34).
- Самойлович 1915 – *А.Н. Самойлович*. Запретные слова в языке казак-киргизской замужней женщины // Живая старина. 1915. Год 24 (1915). Вып. 1–2.
- Самойлович 1925 – *А.Н. Самойлович*. И.Н. Березин как тюрколог (1818–1918) // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Т. I. Л., 1925.
- Самойлович. РНБ. Ф. 671. Д. 82. – Тексты стихотворений императора Бабура и переводы их, сделанные А.Н. Самойловичем. С предисловием А.Н. Самойловича // РНБ. Отдел рукописей. Фонд 671. Дело 82.
- Самойлович 1928 – *А.Н. Самойлович*. Вильгельм Томсен и тюркология // Сб. Памяти В. Томсена: К годовщине со дня смерти. Л., 1928.
- Berèzine 1848 – *I. Berèzine*. Recherches sur les dialectes musulmans. I. Système des dialectes turcs. Casan, 1848.
- Ilmsky 1859 – *N. Ilmsky*. Zur tatarischen Lautlehre. Aus einem Briefe des Prof. Ilmsky an A. Schiefner // Bull. hist.-philol. de l'Académie imp. des sciences de St.-Pb. 1859. Т. XV. № 3.
- Ilmsky 1860 – *N. Ilmsky*. Ueber die Sprache der Turkmenen. Aus einem Briefe des Herrn Ilmsky an A. Schiefner // Bull. hist.-philol. de l'Académie imp. des sciences de St.-Pb. 1860. Т. I (отд. отт.).